ЮРИЙ КАЗАКОВ

ЛЕГКАЯ ЖИЗНЬ

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ «АЗБУКА-КЛАССИКА»

84(2Рос=Рус)6 – Аб
К 14

ЮРИЙ КАЗАКОВ

ЛЕГКАЯ ЖИЗНЬ

105922

ЦЕНТРАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
АБОНЕМЕНТ
гор. Печора

Санкт-Петербург
Издательский Дом
«Азбука-классика»
2007

Печорская
ЦБС

УДК 882
ББК 84 (2Рос-Рус)6
К 14

Составитель и автор послесловия И. С. Кузьмичев

Оформление В. В. Пожидаева

Казаков Ю.
К 14 Легкая жизнь: Рассказы. — СПб.: Издательский Дом «Азбука-классика», 2007. — 608 с.
ISBN 978-5-91181-501-1

Книга рассказов замечательного русского прозаика Юрия Казакова (1927—1982) содержит три раздела: в первом сосредоточен основной массив рассказов, запечатлевших творческую биографию писателя, во втором представлен цикл «Северный дневник», а в третьем собраны фрагменты и наброски неосуществленных замыслов. Известные по школьным хрестоматиям и заслуженно причисляемые к литературной классике, рассказы Ю. Казакова в таком полном составе издаются впервые.

© Ю. П. Казаков (наследник), 2003
© И. С. Кузьмичев, послесловие, составление, 2003
© Издательский Дом «Азбука-классика», 2007

ISBN 978-5-91181-501-1

РАССКАЗЫ

— А смертельный был момент...

— Смертельный — это ты, старик, прав...

Я подумал сперва, что они про мель говорят. А и в самом деле, как полетели бы ребрышки нашей «Веги», иди мы под всеми парусами!

Нет, не об этом они говорили.

— Положить могло бы запросто!

— Могло, это ты прав...

— А ты не растерялся...

И другие голоса:

— Верно! Не растерялся Лешка! Молодец, командор!

— А смертельный момент был! — с удовольствием повторял Руслан.

Ах, вот они о чем толковали — о минуте, когда рубили мы фок. Вот они, оказывается, о чем... И я стал думать сквозь сон, что бы было, если бы нас действительно положило, как посыпались бы на нас канистры, и моторы, и бочки, багры и весла, как накрыло бы нас парусами.

Проснулись мы через два часа, еле добудившись друг друга. Было шесть часов утра. Дождь все моросил, по небу мчались низкие облака, но ветер заметно приутих. Мы забрались под мокрый, тяжелый, как доска, брезент на нашей «Веге», поставили мотор, завели кое-как и пошли под дождем к Череповцу.

С этой самой ночи переломилась погода по всей России, пошли холода, дожди нас залили окончательно, и июль стал как октябрь.

Но это уже скучная материя.

1969

И РОДИЛСЯ Я НА НОВОЙ ЗЕМЛЕ (ТЫКО ВЫЛКА)[1]

И я восславлю Тыко Вылку!
Пускай он ложку или вилку
держать как надо не умел —
зато он кисть держал как надо,
зато себя держал как надо!
Вот редкость — гордость он имел!

Евг. Евтушенко

Гордость — не то слово, конечно... Вылка не был горд, он был добросердечен и храбр, он был Учитель. Он учил не только ненцев, но и русских, он говорил: не бойтесь жить, в жизни

[1] Тыко — ненецкое имя Вылки. Русское его имя — Илья Константинович.

есть высокий смысл и радость, жизнь трудна, но и прекрасна, будьте мужественными и терпеливыми, когда вам трудно!

Невелика, может быть, мудрость в его поучениях, но необходимо помнить, что говорил он это не в ресторанах под сакраментальное «прошу наполнить бокалы!» и не в уютных гостиных, не обеспеченным людям, которым не так много храбрости нужно было, чтобы жить, — говорил он это своему бедному народу, в заваленных по крышу снегом избушках, в чумах, долгими полярными ночами, под визг и вой метелей — и многих своим участием, своим словом спасал не только от отчаяния, но и от смерти.

Он не только учил мужеству, он всю жизнь деятельно творил добро. В юности он заботился о своих престарелых родителях. Потом пришлось ему взять на себя заботу о прокормлении и воспитании многочисленной семьи погибшего брата. А всю вторую половину жизни он заботился — в качестве председателя островного Совета — уже о сотнях людей. Каждый год ездил он в Архангельск, проводя месяцы в неустанных трудах, доставая для охотников продовольствие, катера, боеприпасы, утварь, — и в неустанных заботах о сохранении поголовья зверя и птицы — единственного источника жизни на Новой Земле.

Он не издавал книг с описаниями своих полярных путешествий, не ездил по городам Европы с лекциями. Известность его во время жизни на Новой Земле была ограниченной. Всего несколько сот ненцев и русских знали его лично, говорили с ним, слушали его поучения. Но те, кто его знал, любили его безмерно.

Живи он не там, а в каком-нибудь ином месте, кто знает, не имели бы мы теперь в его лице еще одного святого? Или национального гения, какого норвежцы имеют в лице Фритьофа Нансена?

Гляжу на его картины, на его чистые, как бы несмелые краски, на его бесхитростные сюжеты... Жизнь, остановленная на полотне кистью Вылки, так не похожа на нашу жизнь! Ледники, на которых, по словам В. Русанова, выживают лишь немногие виды бактерий, заливы, окруженные скалами, выброшенный на берег плавник, чумы, тихие, задумчивые ненцы вокруг костра, прекрасно переданная округлость белых медведей, кровь на снегу возле разделываемого тюленя, мистическое полярное сияние и тут же лампочка на столбе — такой милый человеческий свет, мешающийся с космическим светом, перебивающий его! Картины Вылки — как привет друга, долетевший к нам из другого мира, из других времен.

Кто научил Вылку рисовать?! Архангельский журналист В. Личутин пишет, что Вылка будто бы не был учеником художника А. Борисова, зимовавшего в Маточкином Шаре в 1900—1901 годах.

Но если не Борисов, тогда кто же? Кто дал Вылке краски, картон, холсты, бумагу, кисти? Если даже Борисов и не учил Вылку живописи специально, то очень может быть, что любознательный, одаренный ненецкий мальчик (Вылке было тогда 14 лет) сопровождал Борисова, когда тот ходил на этюды, бывал у него в доме, наблюдал за его работой и пытался самостоятельно что-то нарисовать? И, может быть, Борисов, уезжая, подарил Вылке остатки красок и прочее?

Во всяком случае, как пишет В. Пасецкий в своей книге «Владимир Русанов», члены небольшой русской экспедиции, побывавшей на Новой Земле в 1905 году, были поражены этюдами молодого ненца и подарили ему краски и компас, и «с тех пор съемка Новой Земли стала главным делом жизни этого замечательного ненца».

Но, может быть, Вылка действительно самоучка? Личутин приводит, например, следующие слова Тыко Вылки: «Однажды, это было в августе, я сидел у берега Карского моря. По небу тучи, облака ходят. Был закат солнца. Горы на воде отражаются. Куски льда плывут по течению. Я подумал: *если бы я умел рисовать, срисовал бы эти горы.* (Подчеркнуто мною. — *Ю. К.)* Пошел в чум, взял бумагу, карандаш и начал рисовать. Три дня работал, кое-что написал».

Тут все недостоверно. Откуда бы взяться в чуме бумаге и карандашам? И потом эти художнические, профессиональные слова: «работал», «написал». Работа для Тыко Вылки в те годы состояла в другом: в многодневных тяжелейших поездках на нартах или на лыжах, в расстановке капканов, в охоте, в разведении и поддержании огня, в устройстве чумов...

Неизвестно, как сложилась бы дальнейшая судьба Вылки и стал бы он столичным профессиональным художником, или богемой, или никем вообще, если бы не случилось рокового несчастья с его братом и Вылка не остался бы на Новой Земле навсегда.

А судьба его могла сложиться иначе: в 1910 году он уже жил в Москве, учился живописи у известных художников В. Переплетчикова и А. Архипова, выставлялся, о нем много писали.

«Осенью 1910 года, как-то утром, — вспоминает В. Переплетчиков, — пришли ко мне два незнакомых человека: один высокий, блондин, свежий, энергичный, живой, другой низенький, коренастый, с лицом монгольского типа. Это были: начальник новоземельской экспедиции, обошедшей летом 1910 года Северный остров Новой Земли, Владимир Александрович Русанов, другой — самоед Тыко Вылка.

Тыко Вылка приехал в Москву учиться живописи. Он никогда не видел города, и вся его прежняя жизнь проходила среди северных ледяных пустынь Новой Земли.

Пока мы разговариваем с Русановым, обсуждаем план жизни и обучения Тыко Вылки в Москве, он самым благовоспитанным образом пьет чай; его манера держать себя совсем не показывает, что это дикарь. Одет он в пиджак, от него пахнет новыми сапогами, и только когда он ходит, то стучит по полу ногами, как лошадь на театральной сцене. Ему приходилось в своей жизни больше ходить по камням, по снегу, по ледникам, чем по полу...»

Как бы там ни было, в жизни Вылки должна была произойти большая перемена. Его не могли не заметить, ему не могли не помочь стать самобытным профессиональным художником или профессиональным же полярным исследователем — слишком талантлив, слишком заметен, слишком уж редкостное явление был он по тем временам.

Уже газеты печатают его биографию, уже его награждают и отмечают: «В 1909 году Вылка участвовал в экспедиционном отряде В. А. Русанова, исследовавшего северный остров Новой Земли от Крестовой губы до полуострова Адмиралтейства.

В 1910 г. Вылка входил в состав экспедиции Русанова, обогнувшей впервые под русским флагом северную оконечность Новой Земли.

За экспедицию 1910 г. Вылка высочайше награжден нагрудной золотой медалью на Анненской ленте.

В 1910 г. бывший архангельский губернатор И. В. Сосновский, принимавший в судьбе Тыко Вылки самое живое участие, имел счастье поднести Государю Императору альбом картин Вылки. Его Величество всемилостивейше пожаловал Вылке пятизарядный штуцер системы Винчестер и 1000 патронов».

Проучившись зиму 1910/11 года в Москве, Вылка собирался опять ехать учиться...

Но тогда новоземельские ненцы, возможно, никогда бы не узнали Вылку-учителя, Вылку — председателя островного Совета.

Архангельский писатель Е. Коковин подарил мне фотографию, на которой он снят вместе с Тыко Вылкой и С. Писаховым. У Вылки на этой фотографии круглое лицо, пухлые веки, старческие уже брови, широкий нос. Он в старомодных очках, и видно, что очки не к лицу, неудобны ему, режут переносицу.

Известна фотография и молодого Вылки. Там он большеглазый, с жесткой, густой щеткой усов, с густыми, черными, жесткими же волосами. Скулы почти не выдаются, глаза блестят, губы прекрасно вылепленные, несколько даже негритянские, лицо полно энергии. Лицо мужественного человека.

«Ежегодно подвигался он на собаках все дальше и дальше к северу, — писал о Вылке Русанов, — терпел лишения, голодал. Во время страшных зимних бурь целыми днями ему приходи-

Пока мы разговариваем с Русановым, обсуждаем план жизни и обучения Тыко Вылки в Москве, он самым благовоспитанным образом пьет чай; его манера держать себя совсем не показывает, что это дикарь. Одет он в пиджак, от него пахнет новыми сапогами, и только когда он ходит, то стучит по полу ногами, как лошадь на театральной сцене. Ему приходилось в своей жизни больше ходить по камням, по снегу, по ледникам, чем по полу...»

Как бы там ни было, в жизни Вылки должна была произойти большая перемена. Его не могли не заметить, ему не могли не помочь стать самобытным профессиональным художником или профессиональным же полярным исследователем — слишком талантлив, слишком заметен, слишком уж редкостное явление был он по тем временам.

Уже газеты печатают его биографию, уже его награждают и отмечают: «В 1909 году Вылка участвовал в экспедиционном отряде В. А. Русанова, исследовавшего северный остров Новой Земли от Крестовой губы до полуострова Адмиралтейства.

В 1910 г. Вылка входил в состав экспедиции Русанова, обогнувшей впервые под русским флагом северную оконечность Новой Земли.

За экспедицию 1910 г. Вылка высочайше награжден нагрудной золотой медалью на Анненской ленте.

В 1910 г. бывший архангельский губернатор И. В. Сосновский, принимавший в судьбе Тыко Вылки самое живое участие, имел счастье поднести Государю Императору альбом картин Вылки. Его Величество всемилостивейше пожаловал Вылке пятизарядный штуцер системы Винчестер и 1000 патронов».

Проучившись зиму 1910/11 года в Москве, Вылка собирался опять ехать учиться...

Но тогда новоземельские ненцы, возможно, никогда бы не узнали Вылку-учителя, Вылку — председателя островного Совета.

Архангельский писатель Е. Коковин подарил мне фотографию, на которой он снят вместе с Тыко Вылкой и С. Писаховым. У Вылки на этой фотографии круглое лицо, пухлые веки, старческие уже брови, широкий нос. Он в старомодных очках, и видно, что очки не к лицу, неудобны ему, режут переносицу.

Известна фотография и молодого Вылки. Там он большеглазый, с жесткой, густой щеткой усов, с густыми, черными, жесткими же волосами. Скулы почти не выдаются, глаза блестят, губы прекрасно вылепленные, несколько даже негритянские, лицо полно энергии. Лицо мужественного человека.

«Ежегодно подвигался он на собаках все дальше и дальше к северу, — писал о Вылке Русанов, — терпел лишения, голодал. Во время страшных зимних бурь целыми днями ему приходи-

лись и окружали со всех сторон первые льдины. Они были небольшие сперва и походили издали на стаю лебедей. Подводная часть льдин, когда мы проходили близко, просвечивала сквозь воду необычайной голубизны. А какие фигуры можно было увидеть над водой! Одни льдины были похожи на гриб атомного взрыва, каким его изображают на плакатах, другие — на притаившегося белого медведя, третьи были как застывшие кучевые облака. Качка совершенно прекратилась, и вода в разводьях стала как стекло. На дальних льдинах спали между торосами морские зайцы. То и дело по сторонам высовывались нерпы, глядели на нас во все глаза, а когда, наглядевшись, ныряли — медленные круги расходились по воде.

То ли еще будет на Новой Земле, думал я, какая там рыба в реках, сколько дичи, может быть, увидим диких северных оленей или белых медведей...

Но до Новой Земли мы так и не дошли тогда. Чем ближе подходили мы к берегу, тем гуще и крупнее становились ледяные поля. Черные морские утки бесконечными цепочками тянули в разных направлениях над этими полями. В губе «Саханиха» шхуна наша уже с трудом пробиралась узкими разводьями, пока наконец в километре от берега не уперлась в сплошной паковый лед.

Нам открылись черные скалы в прожилках ледников, с робкими зелеными пятнами травы на южных склонах. Когда заглушили мотор, настала такая тишина, лед был так первозданно бел, а скалы вдали так зловещи и безжизненны, что я как бы провалился на минуту в доисторические времена и мне показалось, что жизнь на земле еще не начиналась. Двое суток простояли мы в ожидании — не начнется ли подвижка льда, не погонит ли его от берега... Потом как-то сразу подступил туман, и это было тем более дико, что небо по-прежнему сияло голубизной, берег скрылся, мы повернули и пошли в Карское море.

Целый месяц потом стояли мы в заливе, километрах в пяти от тундрового берега, и почти каждый день с мачты, из бочки раздавался радостный вопль вахтенного матроса: «Белуха идет!» — и раздавался топот по палубе, мгновенно спускались на воду катера и начиналась охота на белуху, азартная, дивная, но и отвратительная все-таки...

В безбрежном океане воды, неба и льдов маленькая наша шхуна была единственным организованным, созданным людьми существом среди доисторического мира. Никогда не забуду, как меня отвезли на охоту на дальнюю льдину и уехали, и все смолкло, и я остался один. Такое вдруг беззащитное одиночество полоснуло меня по сердцу, что я даже в азарте охоты нет-нет да оглядывался, чтобы увидеть крошечную точку шхуны на горизонте, как бы висящую в воздухе.

Но однажды на одном из тундровых холмов, среди пятен снега, появились два чума, и по вечерам, в тихую погоду, в бинокль хорошо было видно, как струятся над ними дымки. Несколько дней мы собирались к ненцам в гости, наконец собрались, спустили катер и поехали.

Лохматые собаки яростно встретили нас и, побрехав, с удовольствием помахивая хвостами, побежали впереди, как бы показывая нам дорогу. Несколько больных оленей лежали возле чумов. Там и сям разбросаны были нарты, какие-то тюки, рваная оленья упряжь, и вялилась на кольях рыба. Кое-как залатанные ветхие чумы испускали дым изо всех своих щелей. При виде нас поднялись с нарт два ненца, до сих пор сидевшие неподвижно, подошли поздороваться, попросили закурить. Долго разглядывали нас красными щелками глаз. Потом один из них, откашлявшись, спросил с надеждой:

— Шпирту привезли?

— Шпирту? Зачем тебе шпирт, нету у нас шпирта! — быстро, с неудовольствием сказал ему наш стармех Илья Николаевич.

— А-а... — протянул ненец и пошел к нартам.

Я попробовал заглянуть в дымное чрево одного из чумов. Там, спасаясь от комаров, молча сидели ненецкие женки. Лиц их я разглядеть не смог.

Я отошел немного и присел на теплый мох. Комары облаком висели надо мной. Нестерпимое летнее солнце заливало тундру светом. На дальних холмах то расширялось, то сжималось бурое пятно — там паслись олени. Блестели озера. С океана едва слышно потягивало ледяным ветерком. Тишина, покой... На сотни километров ни в ту, ни в другую сторону не было ни становища, ни какого-нибудь поселения. Разве вот такие чумы да редкие фактории...

И опять мне пришел на ум Тыко Вылка и его жизнь, его юность, его дела — не здесь, а севернее, на Новой Земле, шестьдесят лет назад!

Один современный журналист сердится на дореволюционных рецензентов, которые, оценивая картины Тыко Вылки, называли его «дикарем», «выдающимся самоедом», «уникальным явлением». И, как бы отвергая эти давнишние, покрытые уже пылью восторженные оценки, журналист пишет: «Лишь те, кто хорошо знал и любил Илью Константиновича, говорят о нем без удивления, с теплотой и уважением».

Насчет «теплоты и уважения» я согласен, но почему «без удивления»? Как раз удивление, изумление — вот первые чувства, которые испытываешь, знакомясь с жизнью Тыко Вылки. Что

же касается «дикаря», то и в этом слове я не вижу ничего оскорбительного для представителя тогдашних ненцев. И думаю, что человек, написавший это слово, отнюдь не хотел унизить Тыко Вылку. Это слово всего-навсего констатация факта, ибо кем же, как не дикарями (не в смысле низменности инстинктов, а в смысле социальном!), были тогдашние ненцы? Отношение царского правительства к окраинным народностям достаточно известно. А в данном случае вообще никакого отношения не было: так как Новая Земля в начале XX столетия России не принадлежала. Все добытое на острове вывозили норвежцы за бесценок, за спирт. «Печальная картина на русской земле, — писал Русанов, — там, где некогда в течение столетий промышляли наши русские отважные поморы, теперь спокойно живут и легко богатеют норвежцы».

Нет, передовое русское общество горячо приветствовало талант Тыко Вылки. Его сразу и по достоинству оценили не только как художника, но и как человека. «Вылка несомненно талантливый человек, — писал о нем В. Переплетчиков, — он талантлив вообще». Одним из первых русских, который узнал Вылку, полюбил его и подружился с ним и неизмеримо много для него сделал, был знаменитый полярный путешественник Владимир Александрович Русанов.

Тыко Вылка родился в 1886 году, значит, в 1907 году, когда В. Русанов впервые приехал на Новую Землю, Вылке исполнился двадцать один год.

Девятого июля, пишет В. Пасецкий, Русанов высадился в Поморской губе у западного входа в пролив Маточкин Шар. Здесь находилось небольшое поселение ненцев, среди которых Русанов надеялся найти проводника. Через несколько дней, прощально гудя, пароход покинул берега Новой Земли, и Русанов остался один. Теперь его уделом до конца дней стал Север. Он поселился в пустующем доме художника А. Борисова и прежде всего начал знакомиться с жизнью ненцев.

Зимой ненцы промышляли оленей на юго-восточном берегу Новой Земли. Становища свои они покидали в январе. Уложив снаряжение и имущество на нарты, запряженные собаками, они шли пешком до тех пор, пока не попадали в богатые охотничьи угодья. Мужчины охотились, женщины вели хозяйство. Пищу приготовляли на кострах, разведенных прямо в чумах.

Кроме оленей, ненцы били морских зайцев, тюленей и моржей и ловили в капканы песцов. На морского зверя начинали охотиться в конце сентября, разъезжая по заливам на карбасах и стреляя показавшихся из воды зверей. Попутно били белых медведей. Весной и летом ненцы промышляли гусей, чаек, гаг, чистиков, лебедей...

Русанову посчастливилось: он познакомился, а затем и подружился с Тыко Вылкой, который оказал ему неоценимые услуги в исследовании Новой Земли.

Первое путешествие, проводником в котором был Тыко Вылка, Русанов совершил по проливу Маточкин Шар до Карского моря. «Пользующиеся такой известностью у туристов норвежские фиорды, — писал Русанов, — тусклы и бледны по сравнению с удивительным разнообразием и оригинальной яркостью форм, цветов и оттенков этого замечательного и в своем роде единственного пролива!»

В этой первой поездке на карбасе по Маточкину Шару Тыко Вылка обнаруживает такие познания в топографии Новой Земли, что очень скоро из простого проводника превращается в полноправного участника всех последующих экспедиций Русанова.

Уже через год по пути в губу Крестовую Русанов специально заходит в Маточкин Шар, чтобы взять на пароход Тыко Вылку.

Еще через год — в 1910 году — В. Русанов предпринимает на судне «Дмитрий Солунский» путешествие вокруг Северного острова Новой Земли. После Саввы Лошкина (XVIII в.) он был первым русским, обошедшим Новую Землю с севера. И опять рядом с ним был его друг Тыко Вылка.

Во время остановки у северной оконечности острова Русанов предпринял поход в глубь острова. Вместе с ним пошел Вылка. Они попали в места совершенно безжизненные. «Они бродили по голой равнине с редкими ручьями и озерами, — пишет В. Пасецкий со слов Русанова. — Не было ни уток, ни гусей, которые южнее встречались тысячами. Только маленькие кулички иногда стремительно проносились над водой, нарушая тревожным писком чуткую тишину пустынного края. Растительности не было никакой. Тут нельзя было увидеть даже новоземельской ивы, которая встречалась в Архангельской губе и в Незнаемом заливе. Глаза не могли отыскать ни одного цветочка. Мхи и те встречались редко и всегда прятались между камнями. Оленьих следов не было видно, зато много встречалось медвежьих...»

Экспедицией была составлена новая карта Северного острова, более точная и подробная, чем существовавшие до того времени. Было открыто несколько новых не известных ранее островов, проливов, заливов и бухт. Многие из них уже ранее были нанесены на карту Тыко Вылкой.

«Во всех тех случаях, когда оказывалось возможным проверить на месте разницу между существующими картами и чертежами Вылки, результаты говорили не в пользу карт, а в пользу чертежей Вылки», — писал Русанов.

Закончив путешествие, тридцатого августа Русанов решает наконец привести в исполнение давно занимавший его план. В этот день он записывает в дневнике: «Вечер я пробыл у самоедов, пили чай, беседовали и окончательно решили, что Илья Вылка, сопровождавший нас в экспедиции, поедет со мной учиться в город».

По прибытии в Архангельск Русанов устраивает выставку картин Вылки. Выставка привлекла многочисленных посетителей. По единодушному мнению знатоков живописи молодой ненец обладал недюжинным и самобытным талантом.

Затем вместе с Русановым Вылка едет в Москву и поступает учиться живописи к В. Переплетчикову. Русанов находит Вылке бесплатных учителей русского языка, арифметики, географии и топографической съемки.

«Он читает книгу природы так же, как мы с вами читаем книги и газеты; в экспедициях он незаменим как помощник и проводник: это живая карта Новой Земли. Человек он смелый, отважный, решительный; отличный охотник — бьет гуся пулей на лету» — так характеризует Вылку Русанов своим друзьям.

Тыко Вылка в восторге от Москвы. Новые его друзья не только учат его живописи, географии и прочему — они наперебой показывают ему Москву, возят в театры, в музеи, на концерты...

«Люди хорошие в Москве, — говорит он Переплетчикову, — очень хорошие, добрые! Ты мне как отец был, заботился, и хозяйка, где я жил в комнате, заботилась, и учителя заботились, и учительницы заботились. К Москве теперь привык, все знаю, как на Новой Земле. Театр люблю, музыку люблю, кинематограф люблю».

Можно себе представить, какие разговоры были у него с Русановым на следующий год, когда они опять вместе, — в четвертый раз отправились в новое путешествие, теперь уже вокруг Южного острова Новой Земли. И легко вообразить, как считал Вылка дни и оставшиеся до конца путешествия мили, потому что осенью он должен был опять ехать в Москву продолжать образование.

Но роковое событие оборвало все его планы. Вернувшись на Маточкин Шар, он узнал, что погиб его брат. Слишком близко положил к огню заряженную винтовку, костер разгорелся, винтовка раскалилась, грянул выстрел... После брата осталась молодая жена и шестеро детей. По ненецким обычаям, Тыко Вылка должен был жениться на вдове.

В сентябре Вылка прощался с Русановым, уезжавшим домой, и не знал, что прощается навсегда, не знал, что Русанов через два года погибнет в Карском море.

Не знал он также, что царский винчестер — этот символический императорский подарок — на долгие годы станет для

него единственным источником существования. Не знал, что и золотая Анненская медаль тоже сослужит ему службу — он ее обменяет потом в голодный год у норвежского шкипера на несколько килограммов масла...

В этом году меня опять потянуло на Север, и я поехал туда весной, в апреле. А приехав в Архангельск, вспомнил о Тыко Вылке, и мне захотелось найти людей, которые хорошо его знали. Сначала мне не везло: один встречался с Вылкой мельком, другой все позабыл, то есть детали, разговоры... Я уже начал приходить в уныние, как вдруг блеснула мне и удача: я познакомился с Андреем Александровичем Миллером.

В апреле в Архангельске начинаются уже белые ночи, светает в четыре утра, а закаты протяжны, и свет к вечеру убывает неохотно. Мы с Миллером шли в гости к моему другу Михаилу Слуцкому[1], шли по набережной, в городе давно уже сошел весь снег и асфальт уже был сух, но ледяное поле Двины неподвижно простиралось слева от нас — до ледохода было далеко.

Андрей Миллер, серьезный, приятный человек, долгое время плававший старшим механиком на судах Тралфлота, — с детства жил на Новой Земле и знал Вылку в 1934 году. Подробностей первых встреч с Вылкой он не помнит. Слабо помнит только, что приезжал какой-то добрый ненец на собаках и привозил детям подарки.

Зато события следующего года, когда Миллеру исполнилось семь лет, на всю жизнь врезались ему в память, потому что, по его же словам, жизнью своей он обязан Тыко Вылке.

Жили они — отец, мать и четверо детей — в охотничьей избушке на Северном острове, на берегу залива Чекина. Там же жил и одинокий охотник Иван Тимофеевич Филатов. В избушке у Миллеров мебели никакой не было, стол, нары да оленьи шкуры. В избушке же в холодной половине за стенкой жили и собаки.

Однажды мать полоскала белье в проруби, простудилась и слегла. Встревоженный отец решил послать Филатова на мыс Выходной, где находилась полярная станция и был врач по фамилии Синявский. Филатов уехал, а мать между тем вскоре потеряла сознание и через несколько дней скончалась...

Оставшись один с маленькими детьми, отец впал в отчаянье. Он пил спирт, рыдал и скоро ему стало казаться, что и он, и дети должны неминуемо погибнуть. За стеной была полярная ночь, завывала пурга, сбившись в кучу на нарах, дети тихо пла-

---

[1] Хочу принести особую благодарность архангельскому врачу М. Слуцкому за помощь в сборе материалов к этому очерку. — *Ю. К.*

кали. Чтобы не видеть, как один за другим умирают его дети, отец решил кончить дело разом и принес из кладовки большой бидон с керосином, собираясь разлить его по избушке, сжечь детей и погибнуть в огне самому. По-видимому, он помешался от горя и от беспросветной полярной ночи.

Филатов между тем заблудился. Он ехал на мыс Выходной шесть дней и в конце концов упал со скалы вместе с собаками. Кое-как добравшись все-таки до Выходного, он встретил там Тыко Вылку, который объезжал в это время все новоземельские охотничьи избушки и фактории. Узнав, что у Миллера болеет жена, Вылка тотчас собрался в дорогу. Врача на полярной станции не оказалось, он уехал к больному. Наказав Филатову дождаться и привезти врача, Вылка на шести собаках отправился к заливу Чекина. (Больше шести собак у Вылки в упряжке не бывало.) По-прежнему бушевала пурга (танзей), и избушку Миллера так занесло, что, приехав к заливу Чекина, Вылка не мог ее найти. Уложив собак, Вылка принялся тыкать хореем в снег на том месте, где, он знал, стояла избушка. Нащупав хореем крышу и разгребя снег, Вылка начал отдирать доски на крыше. Миллер, услыхав, что крышу кто-то ломает, узнав голос Вылки, который звал его по имени, в свою очередь выломал две-три доски на потолке и помог Вылке влезть в избушку.

Увидев плачущих детей, бидон с керосином, всмотревшись в сумасшедшее лицо Миллера, Вылка сразу все понял, всплеснул руками и забегал по избе.

— Саса (Саша), ты сто задумал! — кричал он с сильным ненецким акцентом. — Жить надо, терпеть надо, детей спасать надо!

Тыко Вылка был круглолиц, одет в малицу, подпоясан широким ремнем, на боку болталась связка медвежьих клыков. Он суетился, взволнованно бегал по избе, заложив руки за спину, и то ругал Миллера, то сострадал ему, жалел покойную Евлампию, которая, окоченев, лежала тут же, в холодной, не топленной много дней избушке. Вылка принес хлеба и мяса и дал детям, потом заставил вылезти наружу отца, вылез сам, и они принялись откапывать избушку из-под снега. Очистив от снега трубу, затопили печь, стали варить обед. Вылка пел грустные ненецкие песни и все говорил Миллеру, что тот не имеет права предаваться отчаянию, что он новоземелец, мужчина.

Жил Вылка в избушке до приезда Филатова с врачом, а когда те приехали — тотчас отправился за 160 километров на факторию Пахтусова и приказал заведующему Ивану Лодыгину обеспечить семью Миллера продуктами.

Мать решено было похоронить в июне, когда на Новой Земле появляются проталины. Семь месяцев пролежала покойница

в избушке, в холодном чулане. (Каково им было жить все это время, постоянно сознавая, что за стенкой в темноте и холоде лежит мать!) А летом сделали гроб, поставили на нарты, на гроб посадили детей и повезли к огромному камню-скале. Земля еще не оттаяла, динамита, чтобы взрывом вырыть могилу, не было, гроб положили на землю и заложили камнями.

В августе в залив Чекина пришла на вельботах топографическая экспедиция. Вместе с экспедицией приехала из Мезени бабушка. Она преодолела огромные трудности, чтобы навестить могилу дочери и забрать с собой детей.

Миллер скоро уехал с экспедицией проводником. Дождавшись его отъезда, бабушка с детьми пошла на могилу дочери. Бабушка была в длинном сарафане, дети держались за подол, и так все вместе они дошли до могилы. Пришел Филатов, снял шапку. Плача и причитая, бабушка принялась откладывать с могилы камни, пока не открылся гроб. Крышку гроба бабушка снять сама не могла и стала просить Филатова. После долгих колебаний Филатов открыл гроб. На лице у матери был синий платок, на груди красиво лежали бусы, ноги обуты были в меховые лепты (сапоги). Приподняв платок с лица дочери, бабушка долго вглядывалась в почти не изменившиеся родные черты и опять плакала. Она привезла из Мезени мешочек с землей. Прочитала над дочерью заупокойные молитвы, предала ее земле, потом гробовую крышку опять поставили на место, гроб заложили камнями — теперь уж навсегда...

Много мужества, повторяю, нужно было иметь, чтобы жить на Новой Земле и не только исполнять свой прямой мужской долг: охотиться, кормить детей и себя, и жену свою, но еще находить силы для того, чтобы заботиться о других, постоянно объезжать все становища и избушки, не пропуская ни одной, и каждому приходить на помощь.

Ежедневный риск, ежеминутная готовность встретить смерть — разве этого не с избытком хватит на долю любого человека, решившегося прожить таким образом хотя бы один год, не говоря уже о всей жизни?

Трогательное, всего в несколько страничек, жизнеописание Тыко Вылки поражает простотой изложения, но еще более — простотой отношения к опасностям.

«Я только на Карской стороне промышлял. Однажды мы трое поехали оленей отыскать. Мы не могли найти. Ходили на высоких горах. Мы вернулись домой. Был туман. Я сказал братьям: „Давай поедем вот здесь. Ближе будет“. Мы едем. Вдруг высокая скала. Я соскочил и упал на землю. Собаки упали. До смерти я так испугался. Уж думал: я теперь жив не буду. Едва вижу. Два брата тоже упали. Видел: мой кнут (длинная палка) прямо на меня

идет концом. Думал, меня убьет. Мы остановились внизу. Снег был мягкий. Мы стали на ноги. Поехали снова...»

«В январе однажды я ходил по воде, Ледовитым океаном. Убил одну нерпу. Ветер сильный был. Я вернулся домой. Мне не удалось до дома доехать. Думаю — на берег попаду. Подошел к берегу. Соскочил на берег. В тот момент волна поднялась. Я упал в воду. Лодку понесло по морю. Кое-как вышел на берег. Весь промок. Видел товарищей. Я крикнул. Они не слышали. Я пошел к ним. Сказал: „Я лодку упустил". Я взял их лодку и пошел свою лодку искать. Ветер сильный. Не мог найти. Лодка течет. Я испугался. Думал: ветер сильный будет — на берег не попасть. Поехал на берег. Морская волна была большая. Хотел пристать к берегу. Подошел — берег высокий. В тот момент я не видал большую волну. Волна хлестнула мою лодочку. Перевернула. Я в воду упал. Лодка на меня упала. Я попал под лодку. Думаю: теперь живым не буду. У меня ружье было привязано к лодке. Другая волна хлестнула меня. Выкинула на берег с лодкой. Я стал на ноги. Весь мокрый. Лодку вытащил на гору и поехал домой».

«В мае однажды я придумал на охоту на 60 верст ехать. Птиц чаек стрелять, яйца собирать. И поехал туда вечером. Подошел. Стал стрелять чаек, убил десяток. Одна упала под гору. Я пустился доставать чайку. И пошел. У меня в руках была длинная палка, чтобы придерживала: снег был твердый, днем было тепло, ночью мороз. Вдруг я упал. Так катился, — никакого ума не было. Уж думаю — теперь не жив. Отец найдет собак. У меня был длинный кинжал. В последний момент придумал кинжал вынуть. Я вынул. Изо всех сил в снег ударил. До черенка вошел в снег. Я остановился. Отдыхал тут. Потом я стал кругом смотреть: уж до ног волна хватает. Чуть в море не провалился! Ползком пополз наверх и пошел домой...»

Как просто, какими немногими обыденными словами рассказано о десятках случаев смертельной опасности! Вылка писал обо всем так, как, наверное, рассказывал об этом же своим соплеменникам, греясь у огня, после того как смерть в очередной раз дохнула ему в лицо. В самом деле, зачем живописать и без того всем известное? «Убил одного медведя по пути. Собак покормил. День был ясный. Мне одному скучно было. Морозы 50 или 45 градусов. Три дня я ехал домой. У меня градусник лопнул от мороза».

Наглядевшись на дочь и еще раз предав ее земле, бабушка забрала всех детей Миллера сначала в Мезень, а потом привезла их в Архангельск. Они приехали на последнем пароходе в конце сентября, а пароходы тогда ходили всего два раза в год. Троих

детей бабушка определила в детский дом, а сама с Андреем уже по зимней дороге на лошадях вернулась в Мезень. На всю жизнь запомнилась Андрею эта зимняя дорога и как ночевали они в деревнях, как многолюдно, весело ему казалось в маленьких поморских деревушках после одиночества, заброшенности на Новой Земле.

Проучившись два года в Мезени, Андрей вернулся к отцу на Новую Землю и стал жить в губе Белушьей, где была тогда школа и где жил Вылка.

Вылка преподавал в школе рисование. Но разве только рисование! Перед Вылкой в классе сидело два десятка детей, — ненцев и русских, — два десятка маленьких граждан острова, на котором он родился, провел всю жизнь и председателем которого был теперь. Мог ли он не учить их всему тому доброму, что сам носил в своей душе.

— Любите землю, — говорил он, — это наша советская земля! Любите, не обижайте друг друга. Никогда не плачьте, знайте: суровая земля слабых не любит. А живете вы теперь лучше, чем жил я в детстве. О нас с вами заботится весь народ. Но и мы должны думать о народе и делать все так, чтобы все говорили: хорошо!

Он рисовал нарты, собак, ненцев, корабли, охотничьи сценки. Рисовал мелом на доске. Рисовал промысловые избы, выезды охотников...

Поучая, он всегда держал указательный палец торчком. На всю жизнь запомнился Андрею этот узловатый, короткий и толстый палец.

Тыко Вылка знал родителей всех своих учеников, и для каждого ребенка был праздник, когда Вылка начинал рассказывать о его отце. Зато и не было большего укора для какого-нибудь озорника, если Вылка принимался выговаривать:

— Если уцицься плохо будес, сказу отцу. Твой отец герой труда, хоросо промысляет, а ты сто, уроков не знаес?

В то время началось массовое освоение Севера, и Вылка горячо принимал к сердцу успехи наших полярников. Возле школы чернела на снегу копия палатки папанинцев, в классе на стене висела большая карта северного полушария, и Вылка собственноручно отмечал на ней дрейф первой нашей станции «Северный полюс».

Больше всех других праздничных дней Вылка любил праздник 1 Мая. Для него это был не только советский, пролетарский праздник — это был радостный день весны на Новой Земле, день подведения зимних итогов. Тьма отступала, и солнце все неохотнее склонялось к горизонту. Впереди были самые прекрасные на Севере летние дни, приход парохода, встречи с дорогими людьми...

И не было бóльшего удовольствия для Вылки, чем готовиться к маевке. За несколько дней до праздника чуть не со всего острова съезжались к островному Совету охотники. Вылка обязательно разговаривал с каждым, радовался зимней удаче или горевал вместе с охотником, если у того случилось зимой несчастье или неудача. Музыкальных инструментов на Новой Земле не было, но был барабан. И вот, возглавляемые отрядом пионеров, под громкий треск барабана все охотники острова шли к «Знаку» (так местное население называло морской створ). Там уже готова была трибуна, обитая кумачом, на трибуну поднимался Вылка... Надо ли говорить, как слушали его люди, в течение долгой зимы не видавшие человеческого лица, не слыхавшие ничьего голоса, кроме как своих близких!

А Вылка рассказывал о великом строительстве, идущем по всей стране, о переменах, которые скоро настанут и на Новой Земле, и слезы навертывались ему на глаза. Вспоминал ли он в такие минуты незабвенного своего друга Русанова, думал ли о том времени, когда никому во всем мире не было ровно никакого дела до того, как живут ненцы, есть ли у них продовольствие, и школа, и больница?

Зато после митинга, если на острове было все хорошо, Вылка любил повеселиться. Пел ненецкие песни своего сочинения. Выпить добрую чарку любил: «Чарка елый саво!» (чарка очень хорошо!) К каждому охотнику непременно заходил в гости, и сам любил угостить, любил смотреть, как люди едят. Ел он всю жизнь очень много, справедливо полагая, что без сытной еды человеку на Севере не прожить. Мог съесть в один присест (обурдать) целую холку оленя.

Уже в 1946 или 1947 году, вспоминает Миллер, Тыко Вылка был в Москве на приеме у Калинина. Ему удалось выхлопотать большую партию всевозможных машин и снаряжения для Новой Земли, и вернулся назад он очень довольный. Рассказывая новоземельцам о Москве, он всякий раз весело вспоминал, как ел в ресторане котлетку, съел — и ничего не почувствовал.

— На столе нет котлетки... и брюхе нет котлетки, — говорил он, заливаясь добродушным смехом.

Говорят, что однажды на приеме Калинин назвал Вылку Президентом Новой Земли. Сказано это было, конечно, в шутку, однако с легкой руки журналистов, любящих «броские» слова, этот титул так и укрепился за Вылкой. Даже и теперь, стоит только упомянуть имя Вылки в Архангельске, как тотчас в ответ услышишь: «А-а!.. Как же! Президент Новой Земли!»

Между тем «президент» слово несколько официальное, холодноватое. Президент — лицо, высоко стоящее над обществом, лицо труднодоступное.

Вылка же был прост и доступен. Вся жизнь его проходила на людях, он охотился, ел и спал вместе с ними, он хоронил их и принимал новорожденных. По-человечески он оставался всю жизнь прежним Тыко Вылкой, не меняя ни привычек своих, ни пристрастий. Очень ярко характеризуют Вылку-человека воспоминания недавно умершего Василия Дмитриевича Заборского.

— В 1922 году я был молодым боцманом и плавал на судне «Ярославна». Пароход это был небольшой, водоизмещением всего в две тысячи тонн, но по тогдашним временам это был гигант. Мы в то время делали регулярные рейсы на Новую Землю.

В первый же мой рейс к нам на пароход сел Тыко Вылка, который сопровождал с Новой Земли первую партию пушнины.

Потом вместо «Ярославны» на Новую стал ходить «Русанов». Не было случая, чтобы Вылка не отправлялся в Архангельск. Летом ехал в Архангельск, сдавал там пушнину, добывал снаряжение на зимний период и осенью, в сентябре, возвращался назад. Всю зиму он объезжал фактории и становища, промысловые избушки, собирал какие-то гербарии, коллекции, я уж теперь не помню какие, помогал всем, учил детишек в школе, а летом обязательно встречал нас.

На борт часто брал гагачьи яйца, сам очень любил и всю команду угощал. К пушнине относился как к драгоценности. Говорил, легче машину построить, чем добыть трех песцов.

На судне у нас всегда теснота была — собаки, грузы разные, народу много, зимовщики домой возвращались... Словом, другой раз и на палубе места не было. Но какая бы теснота ни была, Вылке всегда отводили отдельную каюту. Это стало уже традицией, так и говорили: каюта Вылки. Мы его все очень уважали. За что? Лично я его только на пароходе видел, в деле не видел, но его все любили, уважали, все зимовщики, промысловики, только и слышишь: Вылка сказал, Вылка обещал...

На пароходе он обычно целыми днями рисовал. Мы уже так и знали — как только Новая Земля скроется за горизонтом и все на палубе угомонятся, так Вылка сейчас же к себе в каюту, приготавливает там все свое хозяйство, всякие краски, картон — и затих. Значит, рисует. А то, слышно, песню свою запоет. Он любил петь. Но в каюте рисовал только в плохую погоду, а в хорошую — на верхнем мостике или на полубаке. Картины свои очень берег, любил всем показывать. Бывало, все спрашивал: «Хорошо?»

Плохие черты? Не знаю. Говорю, что помню: мы его все, и русские, и ненцы, очень любили, гордились им. Был справедливый, никого не обижал, все знали — раз решил, значит, решил правильно. Пожалуй, только двое на него сердились, как сейчас помню, по фамилии Журавлев и Лазарев, русские про-

мысловики. Вылка их ущемлял при отводе мест для промысла. Ну, да они вечно охотились не на своих местах и вели себя грубо, нахально.

Вот не знаю, удалось ли ему, а был тогда у Вылки стратегический план переселить всех промысловиков на восточную сторону, как мы говорим, на Карскую сторону, там зверя было больше. Он, бывало, все об этом с нами толковал, очень увлекающийся человек был.

Как жил? По-своему жил. Там, на Новой, специально для него построили хороший дом с печкой, уютный, я там много бывал. Первым рейсом приходим, захожу — печка сломана, он ее разрушил, на деревянном полу самодельный очаг из кирпичей, топится по-черному. Дыму — как на пожаре. Вылка и все вокруг закопченное, как колбаса. Кстати, о еде... Ел очень много. Оленину, рыбу. Два-три килограмма мяса — как один бутерброд.

Курил постоянно, не помню его без папироски. Но не только курил, а еще и жевал табак. Не плиточный, не тот табак, что для жевания, а обычный, из папирос. Не вру! Меня угощал, но чаще жевал махорку. Жует и плюется.

Очень был радушный хозяин. Отказываться от угощения или там от выпивки и думать не смей — обижался по-настоящему.

Прекрасный охотник был. Думаю, лучший охотник из тогдашних промысловиков. Я уж не говорю о том, что он лучше всех нас стрелял. Главное — он все знал, чувствовал про зверя. Ребята поговаривали иной раз между собой — уж не колдует ли? — так знал, где зверю должно быть. Это у него, наверное, в крови было, природное.

Характер? Очень дружелюбный, мирный. Еще он был смелый — ничего не боялся, смерти не боялся. Но бывало, что и вспыливал, кричал, сердился, когда видел несправедливость или узнавал о плохом поступке. Но только это с него быстро сходило, злобы в нем не было. И умный был, много знал, испытал очень много. Повторяю, мы его очень уважали.

Про картины не знаю. Помню, они нравились нам, все очень похоже рисовал — льды, собак, чумы... Но я тогда его картины делом не считал, я про Вылку знал: охотник, хозяин Новой Земли, ну а на пароходе он вроде как бы отдыхал, почему не порисовать? Да и от него никогда не слышал, чтобы он о себе сказал: я художник! Может быть, от скромности? Да нет, навряд ли он думал о себе как о художнике...

Все-таки думал, всю жизнь думал о себе как о большом художнике, только никому не говорил, природная его скромность не позволяла ему выговорить тех слов, которые так часто и так легко выбалтывает наш язык.

В старости, в минуты печали говорил:

— Вот бы еще картин пять написать... А потом и догонять пойду...

— Кого догонять, Илья Константинович?

— Русанова...

Последние годы, отслужив в армии, Андрей Миллер встречался с Вылкой уже в Архангельске. В первый раз он встретил Вылку в краеведческом музее. Вылка вгляделся в него из-под руки — эта привычка смотреть из-под руки даже в комнате осталась у него с тех пор, когда глаза его слепил солнечный снег или блеск моря. Вылка узнал Миллера мгновенно.

— Мой питомес! — с удовольствием выговорил он.

Он знал всех новоземельцев в лицо, никогда ни с кем не путал. Он любил ходить по городу — от Вологодской до Поморской пешком, не любил ни трамваев, ни такси. Ходил большей частью один... О чем думал он в эти свои одинокие прогулки, что вспоминал?

Говорил:

— Живу хоросо, но сумно.

Жил он в деревянном доме вместе с женой Марьей Савватьевной. Тут уже порядки были другие, время его ценилось, и когда он работал, к нему не пускали. А работал он много. Теперь ему не нужно было уезжать в многодневные изнурительные путешествия, не нужно было охотиться, чтобы добыть себе пропитание, не нужно было навещать заброшенных в ледяной пустыне промысловиков...

Зато в свободное время гостям бывал всегда рад. Держа руки за спину, выбегал мелким шагом в прихожую смотреть: кто пришел? На вопрос «Как поживаете, Илья Константинович?» отвечал неизменно:

— Хоросо. Сейчас пису. Рисую.

Все стены его мастерской были увешаны картинами. Берега Новой Земли Вылка знал так хорошо, так подробно, а память его была столь остра, что ему теперь не нужна была нату а — он писал по памяти, и старые новоземельцы сразу узнавали места, изображенные им.

Заболев, почувствовав, что умирает, Вылка стал мужественно готовиться к смерти. Он собрал, вымыл и сложил свои кисти. Пел старинные ненецкие песни, которых уже никто, кроме него, не помнил. Ходил в гости к друзьям, прощался.

— Просяйте! — кротко говорил он и низко кланялся.

— Далеко ли собрались, Илья Константинович?

— Да пока в больнису. А потом наверно дальсе.

И добавлял:

— Пойду искать Русанова. И опять мы с ним будем идти в холодных льдах...

Говорил еще старым друзьям:

— Будьте новоземельцами, будьте крепкими, как Север!

Андрей Миллер вспоминает:

— Когда я узнал в сентябре 1960 года о смерти Вылки, мне даже нехорошо стало. Никак не думал, что это так на меня подействует. Ведь я ему жизнью обязан! Пошел на похороны, как положено. У нас, новоземельцев, есть земляческий обычай: собираться всем вместе, если кто из наших умрет. Когда Вылка умер, у меня были срочные дела, но я все бросил, поехал хоронить. Это было для меня важнее всего. Вынос тела был из городской больницы. Состоялась панихида. Он в гробу лежал маленький и как бы круглый такой, не подберу слова... Мы спросили, а где его ордена и медали? Марья Савватьевна говорит: «Ой, забыли! Срочно надо ехать домой!» Поехали за орденами... Мы все плакали. Моросил сентябрьский кислый дождь. Мы вынесли Вылку, понесли гроб на руках до Главной улицы, с полкилометра. Потом гроб положили на машину. Я шел и вспоминал все, что сделал мне Вылка, такая тоска была, как будто отца хоронил!

В 1911 году в Москве, зимой, сидя в теплой мастерской В. Переплетчикова, молодой Вылка записал нетвердой в русской грамоте рукой: «Тому назад 35 лет мой отец, Константин Вылка, через Карские ворота перешел на Новую Землю своим карбасом со своим родным племянником. У моего отца мать была; глаза ничего не видели. Отец был холостой. Он был бедный. Поселился на Новой Земле и женился. И родился я на Новой Земле».

1972

СОДЕРЖАНИЕ

РАССКАЗЫ

Голубое и зеленое 5
На полустанке 26
Некрасивая 30
Странник 38
Дом под кручей 49
Поморка 60
Манька 66
На острове 77
На охоте 88
В тумане 96
Арктур — гончий пес 99
Старики 115
Трали-вали 128
По дороге 138
Легкая жизнь 142
Ни стуку, ни грюку 151
В город 162
Запах хлеба 170
Кабиасы 174
«Вон бежит собака!» 181
Осень в дубовых лесах 189
Адам и Ева 202
Двое в декабре 222
Ночлег 230
Плачу и рыдаю... 241
Проклятый север 250
Поедемте в Лопшеньгу 263
Свечечка 273
Во сне ты горько плакал 284

СЕВЕРНЫЙ ДНЕВНИК

Северный дневник 301
Нестор и Кир 367
На Мурманской банке 391

Калевала 402
Какие же мы посторонние? 410
Соловецкие мечтания 419
О мужестве писателя 428
Отход 432
Белуха 440
Долгие крики 461
Белые ночи 490
Ночь на «Веге» 498
И родился я на Новой Земле (Тыко Вылка) 513

ФРАГМЕНТЫ И НАБРОСКИ

Две ночи 535
Зависть 553
Пропасть 570
Вилла Бельведер 576

Наброски рассказов

Вечерний звон 580
Ангел небесный 581
Молодой инженер-химик Саша Скачков... 581
Нет, бывает все-таки счастье... 583
Девятый круг 585
Навсегда-навсегда 586
Чиф 587
Смерть, где жало твое? 587
Старый дом 590

Игорь Кузьмичев. Роман рассказчика 595

Литературно-художественное издание

ЮРИЙ ПАВЛОВИЧ КАЗАКОВ
ЛЕГКАЯ ЖИЗНЬ

Художественный редактор Вадим Пожидаев
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Корректоры Ольга Золотова, Нина Синеникольская,
Анна Быстрова, Татьяна Бородулина
Верстка Александра Савастени

Директор издательства Максим Крютченко

Подписано в печать 30.05.2007. Формат издания 84 × 108 1/32.
Печать офсетная. Гарнитура «Петербург». Усл. печ. л. 31,92.
Тираж 5000 экз. Изд. № 501. Заказ № 349.

Издательский Дом «Азбука-классика».
196105, Санкт-Петербург, а/я 192. www.azbooka.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов в ОАО «Лениздат»
191023, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, 59.

ЮРИЙ КАЗАКОВ

ЛЕГКАЯ ЖИЗНЬ

Юрий Казаков (1927–1982) — замечательный писатель, чьи произведения переведены на многие языки мира. Критики считают его виртуозным стилистом, продолжателем бунинской традиции, заслуженно причисляют к классикам современной русской литературы. Герой Казакова — путник, скиталец, человек внутренне одинокий, с утонченным восприятием действительности, он испытывает необъяснимую тревогу, неутолимую жажду счастья, по мнению писателя, заведомо недостижимого. В настоящем издании публикуются рассказы разных лет, запечатлевшие творческую биографию автора, цикл «Северный дневник», а также фрагменты и наброски неосуществленных замыслов. «Голубое и зеленое», «Осень в дубовых лесах», «Трали-вали», «Во сне ты громко плакал», «Нестор и Кир» — эти и другие произведения, предлагаемые вниманию читателей, являются лучшими образцами русской прозы второй половины XX века.

«Рассказ дисциплинирует своей краткостью, учит видеть импрессионистически — мгновенно и точно. Наверно, поэтому я и не мог уйти от рассказа. Беда ли то, счастье ли: мазок — и миг уподоблен вечности, приравнен к жизни».

Юрий Казаков

ISBN 978-5-91181-501-1
9 785911 815011
www.azbooka.ru

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ «АЗБУКА-КЛАССИКА»